

Три года назад в Грузии родился новый театральный коллектив. Создание театра в Ахалцихе вышло своеобразным экспериментом. Каковы его плоды?

ИСПЫТАНИЕ

ОТ ТБИЛИСИ туда ехать ночь безмятежно медленным поездом. Маленький городок лежит у невысоких пологих гор. Каждый второй прохожий громко здоровается с каждым вторым. Ахалцихе в переводе означает «новая крепость», но и крепость, и все вокруг — сама древность. Ахалцихе — центр Месхети, где уникальный пещерный город Вардзия, где, по преданию, родина «великого месха» Шота Руставели, где история, боевая слава, искусство оставили святые следы — крепости, фрески, легенды и гордую память в народе.

В этот тихий сегодня край в 1967 году приехали создавать новый театр двадцать два молодых человека, не искушенных ни в искусстве, ни в самостоятельной жизни. У одной половины группы за спиной осталось Тбилиское культпросветучилище, у другой — незавершенный курс театрального института. Бросив спокойное и успешное режиссерство в горийском театре, пришла к своему «делу жизни» Нана Деметрашвили, молодой и уже известный в республике режиссер. Она и потянула ребят за собой в провинцию. Вся сила приехавших была в горячности, энтузиазме и молодости. Люди трезвые не без оснований пожимали плечами.

Мне кажется, ясно, почему Нана Деметрашвили взяла с собой курс института, а не актеров, уже зарекомендовавших себя (ведь была и такая возможность), почему сознательно извела на себя режиссера, всю трудность первой практической встречи ребят со сценой. В курсе она искала зачатки единого живого организма, предчувствуя, что никому коллективу «по найму» не выдержать предстоящего: день и ночь — работа без всяких там великих открытий и потрясений, черная работа. И другое испытание — затяжное испытание бытом. А в Тбилиси — дом, а в Тбилиси — сцены больших театров...

Ровно через пять месяцев в простеньком тесном здании ахалцихского театра, терпеливо многие годы ожидавшего «своей» труппы, был показан первый спектакль — «Тедоре» О. Чхендзе. Он стал потом «совестью» молодого месхетского театра, отвесом, по которому строят дом. В этой драмепричте театр заявил и обосновал свои гражданские позиции, — то, ради чего я с чем пришел он в искусство. Он говорил зрителю о вере и верности, о том, что на мир надо смотреть ясно и непредвзято, чтобы не проглядеть добра, о том, что мир не стоит без героев, а героям необходимо, чтобы кто-то им верил, потому что герои — просто люди. Театр говорил о роднике и долге, о памяти, связывающей поколения. И делал это сильно, талантливо, в художественно простой и необычной форме: спектакль-фреска, спектакль-диспут.

Судьбы народов, как и судьбы героев, повторяют иногда друг друга. Грузинский священник Тедоре повторил подвиг Ивана Сусанина. Вместе с ним, добровольным проводником, погибли высоко в горах захватчики-турки. Так первое свое слово театр сказал о патриотизме. Но не только безусловность подвига и его торжество составили пафос «Тедоре». Спектакль подчеркнул, выдвинул на первый план столкновение двух миопоиманий — Тедоре и его оппонентов. Патриотизм первого могуч и оптимистичен, ибо опирается на веру в мудрость и духовные силы народа, и это дает постоянную моральную готовность к подвигу. (Эту жажду активного добра актер С. Бакурадзе играет сильно, резко. Под сутаной священника на нем ладно сидит платье простого юноши, идущего на труд или на бой). Но есть другая вера, усыпан-

ная раздушенными словами и бескрылая, вера в божественное спасение, пассивное ожидание чуда. В момент испытания эта вера оборачивается откровенным безверием, предательством.

После «Тедоре» ставили спектакли и проще, и легче, и занятнее внешне: театр давал «Разбойников», пьесы большого грузинского драматурга Поликарпа Какабадзе, «Марию Тюдор» и теперь — «Тартюфа». Но в каждом из них театр воплощал момент полного раскрытия человека, трансформации общественных перемен в личности.

Месхетский театр — не только театр. Это дом, где живет много молодых, веселых людей. Настоящий дом, где бегают дети. Дети театра и его ровесники. Но, пожалуй, главный его магнит в том, что каждый ахалцихе глубоко убежден, что театр озохранит его от ожирения души, от праздной мелочности.

Ахалцихцы отказались от рабочих сцен. Сами мастерят декорации, сами грузят машины для выездных спектаклей. Ради экономии, а скорее всего как в своем доме, где лучше все делать самим.

Пока человек не заболел, ему температуру не измеряют. Главреж измеряет творческую температуру на каждой репетиции: не охладел ли кто? Опасно это: сначала охладает к роли, потом — ко всему делу. Театр с первого дня стал своеобразной студией: каждого пробуют во всевозможных амплуа, сегодняшний герой завтра может выйти с «купать подано». Счастливая особенность театра — репертуар примеряется к способностям каждого. И в театре все учатся. На каждой репетиции, на спектаклях, на традиционных по-недельных «капустниках».

Здесь же, в Ахалцихе, состоялся фотэкзамен. Студенты показали государственной комиссии из Тбилиси четыре спектакля. Так, в работе были завоеваны дипломы. Хотя заметную черту, которую перешагнул на экзамене каждый из актеров, театр — как целое — перешагивал ежевечерне весь первый сезон.

Как в каждой семье, случается и здесь грустинка, ностальгия. Тогда Нана сажает всех в театральный автобус, и он мчит их в Тбилиси — в столичный театр, на свидание с родными и друзьями. Праздники должны быть общими. Но есть уже и большое пезаживающее горе в молодом театре — незело погиб Нуглар Мачавариани, любимец всей труппы. От этой боли как-то вдруг повзрослел театр, еще теснее сожмнулся, как бы стиснул зубы. И трогательный мемориал в театральной фойе — снимки, сцены из спектаклей, цветы — скорее не чувствительная дань памяти, а организующий фактор: невозможно теперь кому-то слезться, повернуться к театру спиной.

Есть тропинки к зрителю, мигающие сцену. Понедельник в театре — выходной день. Но ахалцихцы знают: понедельник в театре — день открытых дверей. Один раз это день классической музыки, другой — поэзии, третий — песни.

Сейчас рядом со старым, тесным театральным зданием растут стены нового, современного. Скоро многие театры смогут позавидовать месхетцам. И завидовать следует. Хотя бы тому, как Нана Деметрашвили рассчитывает будущее: «...построят новый театр, привезем еще один курс из театрального, чтобы сложилось ядро — не на несколько лет, а навсегда».

Т. ЧАНТУРИЯ,
внест. корр. «Советской культуры».

АХАЛЦИХЕ—ТБИЛИСИ.